

Русская сага «РАССКАЗЫ ШУКШИНА»

В ТЕАТРЕ НАЦИЙ

Роман Должанский

Идея инсценировать рассказы Василия Шукшина принадлежала самому Алвису Херманису, и поначалу она не могла не вызвать легкого замешательства даже у самого Театра наций, пригласившего на постановку всемирно известного худрука Нового Рижского театра. Конечно, Шукшина все знают и помнят, но многие ли его перечитывают? Впрочем, у любого человека, который достает с полки книжку рассказов и, стряхнув с нее пыль, читает хотя бы несколько страниц, все сомнения в том, что Шукшин пережил свое время, тут же отпадают. В том, что иностранец (или, скажем так, полуиностранец — все-таки полжизни он прожил в Советском Союзе) Херманис клоннул на деревенские истории Шукшина, если вдуматься, нет ничего удивительного. Во всех своих знаменитых спектаклях последних лет он рассказывает о жизни простых людей, будь то всемирно известная «Долгая жизнь» — спектакль о стариках, доживающих свой век в коммунальной квартире, или «Звук тишины», воспоминание о молодости поколения родителей режиссера, или «Соня», инсценировка рассказа Татьяны Толстой, или «Латвийские истории» — спектакль-альманах, в котором актеры рассказывают о встретившихся им реальных людях. Оттого что многие из спектаклей Херманиса строятся на конкретных наблюдениях, сделанных актерами за пределами сцены, его театр многие называют документальным. Сам режиссер предпочитает другое определение — антропологический театр, то есть изучающий конкретные человеческие типы. В этом смысле Шукшин опять же представляет собой иде-

альный материал для режиссера: где еще найти такую россыпь самобытных и разнообразных русских характеров, хоть и описанных в 60-е и 70-е годы прошлого века, но, по сути, представляющих собой вневременной портрет народа. Чтобы собрать побольше сведений и подробностей о шукшинских персонажах, актеры во главе с Херманисом даже съездили на родину автора, в алтайское село Сrostки, и провели там неделю в разговорах с местными жителями. Это вовсе не значит, что спектакль должен стать этнографическим слепком шукшинского села — чего-чего, а вот быта в новом спектакле Театра наций практически нет. «Мне показалось, что актеры не должны притворяться деревенскими и копировать этот особенный мир, который, кстати, не позволяет ни малейшей фальши», — объясняет режиссер. Но жители Сrostок все-таки в «Рассказах Шукшина» присутствуют — каждый из десяти рассказов играется на фоне задника-стены, составленного из документальных фотопортретов жителей этого села. Десять рассказов не связаны в единую пьесу, они так и играют — один за другим: от «Степкиной любви» — истории про почти юношескую влюбленность и сватовство, до «Степки» — рассказа про мужика, из-за тоски по деревне сбежавшего из тюрьмы за два месяца до освобождения. Авторский текст в спектакле сохранен, так что актеры не только играют персонажей, но и рассказывают о них — простой прием открывает возможности для вкусной, не лишенной лукавства, но в то же время искренней и точной игры.

Каждый из восьми актеров играет таким образом по десять, а то и больше ролей. Так, Евгений Миронов играет и ехидного деревенского философа Глеба Капустина, «срезающего» знатных гостей из города, и фантазера Броньку Пупкова, рассказывающего про свое покушение на Гитлера, и слепого аккордеониста, к которому приехали фольклористы, и старика, дождавшегося приезда сына, и мужичка, купившего микроскоп, чтобы стать ученым. Героини Чулпан Хаматовой не только сварливая и хитрая старуха и немая сестра сбежавшего из тюрьмы, не только городская портниха, не нашедшая счастья с деревенским парнем, и эффектная медсестра, изменяющая молодому мужу с его братом, но даже корова и река Катунь в рассказе «Игнаха приехал». Не меньшее разнообразие типов выпало на долю остальных занятых в спектакле актеров — Юлии Пересильд и Юлии Свежаковой, Александра Новина, Александра Гришина и Дмитрия Журавлева. Приспособлений у актеров не так-то много — практически весь вечер они проводят на деревянной лавке во всю ширину сцены. Но перепады настроений в спектакле построены мастерски, и публика должна словно кататься на американских горках собственных эмоций. «Я старомоден, — признается Алвис Херманис. — В театре нужно смеяться и плакать». В «Рассказах Шукшина» так и происходит — зритель то плачет, то смеется. И так все три с половиной часа, которые длится первый русский спектакль Херманиса. Это долгое человеческое удовольствие — из тех, что очень редко случаются в сегодняшнем театре.

ТЮЗ, 21-22 мая